

Татьяна Потапова

Мы из «Солнечного»

Мой отец Потапов Владимир Петрович в начале 50-х годов приобрел в ДСК «Солнечное» участок, расположенный за зданием правления. Вспоминается гравий, шуршащий под ногами, маленькие деревья с огромными, величиной с яблоко, абрикосами, садовник Порфендий Павлович Турецкий, который целый день работал в саду, а вечером, уходя домой, строго приказывал перенести шланг под то или иное дерево, бесконечные походы с маминими тетушками на море – по пыльным дорогам: никаких лестниц тогда не было. Особой примечательностью нашего кооператива были белые отпечатки ступней какого-то Неведомого Великана – они появлялись перед входом в главные ворота кооператива и, разбросанные по центральной аллее, приводили к дому замечательной художницы Нинель Котляровой. Сюда приезжали отдыхать и работать молодые талантливые художники: Сергей Тарасов, Николай Прокопенко (ныне народный художник Украины), Сергей Ильин и многие другие. Здесь формировалась будущая художественная элита, впоследствии прославившая Одессу далеко за ее пределами. Дочь Нинель Ольга и внучка Таня ныне заслуженные художники Украины.

А слева по центральной аллее находилась и находится сейчас дача видного ученого в области холодильной техники, термодинамики и теплоэнергетики Владимира Сергеевича Мартыновского, сына известного революционера-народовольца Сергея Ивановича Мартыновского, в честь которого была названа площадь. Одесситы помнят круглое здание, теперь уже снесенное, в котором в течение двадцати трех лет жила семья Мартыновских.

В 60-е годы Владимир Сергеевич был ректором холодильного института (Института пищевой и холодильной промышленности, сейчас – Институт холода, криотехнологий и экоэнергетики им. В.С. Мартыновского), а мой папа Потапов Владимир Петрович, профессор, доктор физико-математических наук, заведовал в нем кафедрой высшей математики. Вспоминаю, как после очередной научной командировки в Париж Мартыновский пришел к нам в гости. За праздничным столом у нас на веранде собрались коллеги, друзья, родственники. Владимир Сергеевич показывал всем привезенный из Парижа альбом Сальвадора Дали. Это было мое первое знакомство с его творчеством, и особое впечатление на меня произвела «Джоконда, разложенная на гранулы».

– А сейчас приготовьтесь к главному сюрпризу, – сказал Владимир Сергеевич, – но только, пожалуйста, выведите куда-нибудь ребенка.

Ребенок – это я. Меня вывели в сад, но я тут же спряталась за колонной веранды и все увидела: Мартыновский вынул из кармана маленькую круглую игрушку, похожую на детский волчок, завел ее и... нечто змееподобное начало бешено раскручиваться и в конце концов обрызгало всех присутствующих какой-то зеленой жидкостью.

– Так это же фаллос! – воскликнул кто-то из гостей.

– Это горчичница, – ответил Владимир Сергеевич.

Напротив нашей дачи располагалась дача Александра Эдуардовича Лопатто – профессора, заслуженного работника высшей школы Украинской ССР, многие годы возглавлявшего кафедру железобетонных конструкций в Одесской государственной академии строительства и архитектуры. Александр Эдуардович был сыном знаменитого ученого-химика, профессора Эдуарда Ксавьеревича Лопатто, активного участника партизанского движения в годы фашистской оккупации Одессы. Эта дача – одна из первых в нашем кооперативе: семья Э.К. Лопатто проживала здесь с 1933 года. Есть сведения, что во время немецкой оккупации тут находился партизанский штаб. В настоящее время на даче проживает уже пятое поколение династии Лопатто.

Нашу аллею перпендикулярно пересекала и пересекает сейчас аллея, которую тогда можно было бы назвать математической,

так как, свернув направо, мы оказывались перед дачей Моисея Аароновича Рутмана – профессора, доктора физико-математических наук, где он проживал с женой Галиной и дочерью Леной. Позднее появилась внучка Лиля, которая сейчас живет в Израиле. А рядом находилась дача, на которой проживала полностью математическая семья: ее глава – профессор Арнольд Петрович Шварцман, его очаровательная хрупкая супруга Мирра Осиповна и дочь Лина (тоже математик). Лина вышла замуж за молодого талантливого математика Адика, который впоследствии стал известным ученым (Адольф Абрамович Нудельман). Их сын Марик также стал математиком, сейчас он кандидат физико-математических наук. Да, недаром наш кооператив назывался тогда «ДСК научных работников»!

А в конце нашей аллеи находилась дача знаменитого детского хирурга-отоларинголога доктора Хаиса. Его сыновья унаследовали отцовскую профессию, и когда моей маленькой Владе было необходимо удалить аденоиды, мы обратились к Люсику Хаису – самому популярному в те годы детскому хирургу. Но как объяснить трехлетнему ребенку, что его ведут на операцию? На помощь пришла свекровь:

– Владочка, ты ведь хочешь полететь в космос? Но для этого нужно сделать очень важный анализ, без него в космос не пропустят!

И Влада с радостью согласилась, операция прошла успешно! И вот ее выводят за руки из больницы медсестра и свекровь. Увидев меня, она воскликнула:

– Мама, какой неприятный анализ!

Ей явно расхотелось лететь в космос.

Налево от нашей аллеи узенькая тропинка вела к даче Григория Мироновича Гольденберга. Известный врач-кардиолог, обаятельный человек, остроумный собеседник, отсидевший в сталинские времена два года в тюрьме «за анекдоты». Его жена, красавица Лида – высокая, стройная, в открытых сарафанах и с копной пышных рыжих волос, неизменно вызывала всеобщее восхищение. Их не менее красивая дочь Ира давно проживает в Австрии, но каждое лето приезжает на родительскую дачу, построила там дом.

И еще хочется вспомнить о замечательном враче-инфекционисте Якове Семеновиче Гиммельфарбе. Когда в Одессе вспыхнула холера, Яков Семенович проводил на нашей «главной площади» специальные собрания. Ему выносили высокое кресло, восседая на котором, он объяснял, как нужно принимать тетрациклин, как часто мыть руки, с мылом или без; нужно ли обдавать фрукты кипятком и т. д. Обсуждался и немаловажный вопрос о поцелуях: как надо целоваться – непосредственно или при помощи целлофановых кульков. Помню, что некоторые (не буду здесь называть фамилии) приобретали для поцелуев красивые кульки и хвастались ими при встречах на аллеях. А когда был пропит тетрациклиновый курс, Гиммельфарб отдал приказ пить побольше белого сухого вина для растворения вибрионов в кислой среде, и все дружно его выполняли. Естественно, купание в море было под строжайшим запретом.

И в это время в Одессе появляется врач, который вопреки всем запретам не только ежедневно купается в море, но и пьет (!) морскую воду. Пьет, чтобы хоть немного остудить охватившую многих панику. Это был Сергей Николаевич Гончаренко. Он приехал из Львова в Одессу с блестящей идеей – использовать взвесь плаценты, при помощи которой Филатов лечил катаракту, для оздоровления и омоложения организма в целом. И с этой идеей он пришел к Надежде Александровне Пучковской, возглавлявшей в те годы Институт глазных болезней и тканевой терапии им. ак. Филатова. И Пучковская с радостью предоставила ему для исследований небольшое помещение на территории института. Так в институте образовался кабинет геронтологии и гериатрии, куда ринулся огромный поток пациентов: представители обкома партии, ведущие академики, знаменитые художники. Еще бы! У мужчин повышалась потенция, женщины омолаживались. Результаты исследований (подконтрольная группа включала 200 человек) были положены в основу кандидатской диссертации. Научная работа проходила в тесном сотрудничестве с Киевским институтом геронтологии. Вышла монография, в которую вошли все материалы. Она получила широкую известность в США. Один экземпляр, подаренный мне автором, я позднее передала в дар Музею Филатова.

В 80-е годы Сергей Николаевич приобрел участок в нашем кооперативе неподалеку от дачи Гольденберга. Интереснейший собеседник, тонкий знаток искусства, он всегда был окружен друзьями: «Друзья становились пациентами, а пациенты – друзьями», – любил повторять Гончаренко. Среди самых близких – семья академика Божия. На даче постоянно находились гости, сюда приезжала вместе со папой маленькая Полина Осетинская, ныне всемирно известная пианистка.

Сергей Николаевич был чрезвычайно требователен как к себе, так и к окружающим. Будучи последователем учения Амосова, он ежедневно утром, до завтрака, в любую погоду пробегал 6-8 км и после этого купался в море. Купания не прекращались и зимой. А когда у нас замерзло море, он при помощи топорика делал прорубь и с наслаждением окунался в ледяную воду. Никогда ничем не болел. Завтракал после пробежки и купания в 12 часов (луковица и два бутерброда). «Прежде чем пополнить энергию, ее необходимо отдать», – говорил он.

Доставалось и лаборанткам. Но, пожалуй, самые жесткие требования предъявлялись к маме и тетушке, которые жили вместе с ним: летом в их обязанности входили уборка участка, работа на огороде, поливка растений. Старушки (а им было уже где-то под девяносто, тетья Оля участвовала в революции 1905 года) тщательно выполняли поставленные перед ними задания. «Будут двигаться – будут жить», – повторял Сергей Николаевич. В начале 90-х он уехал в Австралию и в Одессу больше не возвращался.

А на аллее, ведущей от главных ворот к переулку Ахматовой, находилась дача семьи Алавердовых. Алавердов Андроник Христофорович, черкес по происхождению, прошел всю Отечественную войну, брал Берлин, был на генеральской должности. В 50-е годы возглавил Одесский облкниготорг. В то время начиналась мода на подписные издания, и он помог многим быстро оформить подписку. Позднее он также возглавлял Дом музыки, который находился на улице Карла Маркса в здании, где впоследствии разместится магазин «Оксамит України». Мудрейший человек, замечательный организатор любого дела.

В начале 60-х мой отец был председателем кооператива, а Андроник – его заместителем. Папа относился к нему с большим

уважением, называл «стратегом наполеоновского масштаба». Прекрасный семьянин, он обожал жену Елену Сергеевну и дочь Галину, мою подругу. Елена Сергеевна имела немецкие корни и аристократическое происхождение.

– Я баронесса фон Блюмер, – однажды призналась она мне. Тогда это было тайной.

Преподавала в одесских вузах английский язык, великолепно знала поэзию Серебряного века, часто цитировала наизусть стихотворения И. Северянина, К. Бальмонта, А. Белого. Была постоянно окружена любовью и нежной заботой мужа.

Вспомнился один эпизод на дачной террасе:

– Андроничек, принеси мне, пожалуйста, вон ту дыню!

– Эту, Лена?

– Нет, вон ту, четвертую с права, с розовым бочком.

В настоящее время в кооперативе проживает со своей семьей дочь Галины Наталья Пилипенко.

А в те времена я училась в школе им. Столярского, и мне приходилось играть на фортепиано по 5-6 часов в день.

– Да. Все дети на пляже, а Таня играет, – вспоминала Аня Лопатко, еще одна моя дачная подруга.

Для музыкальных занятий на дачу из городской квартиры каждое лето родители перевозили рояль «Безендорф». В конце концов им это надоело, и папа, когда я училась в девятом классе, купил еще один рояль – «Блютнер», для городской квартиры, а «Безендорф» остался на даче. На этом «Безендорфе» играл Эмиль Гилельс, когда приезжал летом в Одессу. Инструмент был тугой, с тяжелой клавиатурой, и Гилельс сказал, что на нем хорошо играть гаммы. Папу с Эмилем связывала с юности крепкая дружба: они занимались в консерватории у одного педагога – профессора Берты Михайловны Рейнгальд.

Папа до университета учился в консерватории, в школе не занимался. Мой дед, профессор Новороссийского университета Петр Осипович Потапов, филолог-исследователь, знаток славянских языков, не пустил папу в советскую школу и дал ему блестящее домашнее образование. И к восемнадцати годам отец обладал настолько глубокими и обширными знаниями литературы и искусства, что преподаватели консерватории называли

его в шутку профессором. Позднее ему суждено будет стать профессором математики, автором оригинальной теории, открывшей новый подход к решению важнейших проблем как математики, так и техники (посмотреть более подробную информацию об отце и деду можно в электронном справочнике «Они оставили след в истории Одессы»). Но любовь к музыке сохранилась навсегда: он занимался со мной, безотказно и бескорыстно помогал многим музыкантам: Борису Блоху, Павлу Чуклину и другим. В консерватории познакомился с моей будущей мамой Асей. Она окончила композиторский факультет, и столь успешно, что ее портрет какое-то время висел в Третьяковской галерее. Мама всю жизнь преподавала в школе имени Столярского. Среди ее учеников – знаменитый советский композитор-песенник Оскар Фельцман, певица Галина Олейниченко, композитор Александр Красотов и многие другие. И среди самых любимых – Сергей Александрович Гешелин, выдающийся одесский врач, хирург, профессор, ушедший из жизни не так давно, за несколько дней до своего девяностолетия.

В нашем кооперативе проживали две любимые ученицы мамы – Татьяна Календерьян и Татьяна Дубинская (ныне Кнышова, заслуженная артистка Украины).

А в 70-е годы по соседству с Алавердовыми проживала семья Рихтеров. Анатолий Петрович Рихтер, народный артист Украины, ведущий оперный бас, обладатель редкого по красоте и силе голоса, очень любил ухаживать за деревьями. Находясь на даче у Алавердовых, где я проводила почти все свободное от игры на фортепиано время, я сквозь забор часто видела его в полосатой пижаме с ведрами в руках, напевающего арию Мефистофеля. Его жена Нинель Петровна Рихтер-Сочиенкова была талантливой оперной певицей, чутким педагогом и добрым отзывчивым человеком. К ней всегда можно было прийти и посоветоваться по любому вопросу. Здесь подрастала их замечательная дочь Елена, которая, преумножив достижения родителей, станет великолепной певицей. Но тогда мы с ней еще не были знакомы.

Кто мог знать, что пройдут годы – и я начну писать музыку, а Лена будет исполнительницей моих романсов?

Отдельной достопримечательностью нашего кооператива были... сторожа! В 60-х годах они изобрели оригинальный способ зимнего заработка: ночью взламывали двери, а утром звонили по телефону хозяевам и сообщали о взломе, ссылаясь на дырку в заборе. При этом с радостью оповещали испуганных хозяев о том, что ничего не украдено, и просили приехать и самим на все посмотреть. «А пока вы будете ехать, я все починю». И такой спектакль повторялся с завидной регулярностью. В конце концов одного из них выследили, разоблачили и уволили, и в дальнейшем подобные безобразия не повторялись.

